

С.В. Стахорский

Шуйский

Центральный персонаж трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов» (1825). Исторический прототип — князь Василий Иванович Шуйский (1552–1612), ключевая фигура боярской оппозиции в период правления Бориса Годунова (при жизни Федора Иоанновича) и в годы его царствования; поддержал Лжедмитрия I, а затем возглавил заговор против него, в 1606–1610 — русский царь. После убийства в Угличе царевича Дмитрия (1591) Шуйский вел следствие на месте событий. Участник едва ли не всех политических заговоров, Шуйский, по словам Пушкина, являл собой «странную смесь смелости, изворотливости и силы характера». Завершив трагедию, поэт намеревался вернуться к этой исторической личности.

В многолюдном собрании персонажей трагедии, появляющихся, как правило, в одной-двух картинах, Шуйский занимает третье место, после Бориса Годунова и Самозванца. У него пять сцен (на одну меньше, чем у Годунова), в каждой его роль весома и сюжетно значительна. В начале трагедии Шуйский первым заводит разговор об «ужасном злодействе», совершенном в Угличе, и называет виновника — Бориса. Первое представление о Годунове читатель (и зритель) получает со слов Шуйского («вчерашний раб, татарин, зять Малюты»). Он же замысливает интригу против еще не избранного царя, выказывая верное знание, как в подобных делах добиться успеха: «Давай народ искусно волновать». Этот «лукавый царедворец» (по аттестации Воротынского) мгновенно оценивает всю важность вести о самозванце, принесенной Афанасием Пушкиным; точно просчитывает ее последствия: «...если до народа / Она дойдет, то быть грозе великой». Дальнейшие события подтверждают прозорливость этих слов. Доклад царю о «вести важной» Шуйский выстраивает так, что Годунов чуть было не выдает себя. Вся линия поведения Шуйского в отношении царя и его приближенных основана на трезвом и холодном расчете. Расчетливый Шуйский предусмотрительно исчезает из сюжета (за восемь сцен до окончания трагедии), как только волнение народа разрастается до смуты, той «грозы великой», наступление которой он предсказал.

Самое значительное театральное воплощение образа Шуйского связано с оперой М. Мусоргского «Борис Годунов». В спектакле Большого театра (1948) и фильме-опере (1954) эту роль сыграл Н. Ханаев. Выдающийся артист показал Шуйского не мелким интриганом, как его часто изображали, а будущим царем, который, по словам Пушкина, после своего падения сохранил достоинство.